

Неужели
у вас было
по-другому?

Ульяна
Серова

Ульяна Серова

Неужели у вас было по-другому?

<https://litres.ru/74272218>

SelfPub; 2026

Аннотация

Со стороны её семья казалась обычной. Дома пятилетняя девочка училась определять опасность по лицу отца, ждать удара и молчать после него. Став взрослой, она уехала, работала, пыталась спасти других, строила отношения и снова сталкивалась с тем, что страх умеет менять форму. А потом потеряла младшего брата — единственного человека, рядом с которым по-настоящему чувствовала себя семьёй.

«Неужели у вас было по-другому?» — автобиографическая проза о домашнем и сексуализированном насилии, молчании, утрате и попытке перестать считать себя виноватой. Это не просьба о жалости и не приговор близким. Это история женщины, которая учится говорить правду, не исчезать и оставаться живой.

Содержание

От автора	4
Предупреждение о содержании	5
Введение	6
Зачем я написала эту книгу	6
Вступление	9
Глава первая. Настенные часы	11
Глава вторая. Со стороны	16
Глава третья. Мне тебя жалко	23
Глава четвёртая. Хороших быют меньше	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ульяна Серова

Неужели у вас было по-другому?

От автора

Эта книга основана на личном опыте автора, однако имена, названия, места и отдельные обстоятельства были изменены. Образы персонажей художественно переработаны и не являются точными портретами конкретных людей.

Любые совпадения с реальными лицами, их именами и отдельными обстоятельствами жизни следует считать случайными.

Предупреждение о содержании

В книге поднимаются темы домашнего, сексуализированного и эмоционального насилия, суицидальных мыслей, болезни и смерти ребёнка. Пожалуйста, берегите себя во время чтения.

Введение

Зачем я написала эту книгу

В этой книге — то, что сделало меня собой.

Я учусь любить себя. Иногда получается лучше, иногда хуже. Но одно я уже знаю точно: я крутая.

Я не хотела бы повторить почти ничего из того, о чём здесь написано. Не верю, что человеку обязательно нужно страдать, чтобы стать сильным. Я с удовольствием согласилась бы получить свою силу каким-нибудь другим способом. Но прошлое уже произошло, и я знаю, кем стала после него.

Я сильная. Люблю изучать новое, люблю людей и могу погружаться во что-то с головой. Иногда слишком глубоко. Я умею работать, помогать, ошибаться, начинать сначала и верить, даже когда разум подсказывает быть осторожнее.

Я правда живая. Хотя временами мне казалось иначе.

Мы живём в удивительное время, когда можно пробовать почти всё, что хочется. Менять работу. Переезжать. Учиться без университета. Знакомиться с людьми из других городов и стран. Рисовать, писать, создавать что-то своё. Поэтому я здесь.

Я написала эту книгу не для того, чтобы вы меня жалели. И не для того, чтобы обвиняли. Не для того, чтобы кто-ни-

будь решал, действительно ли всё это произошло и может ли один человек так прожить свою жизнь.

Произошло. Может.

Возможно, вы скажете:

— У многих была сложная жизнь. Что теперь, всем писать книги?

Я отвечу:

— Да. Почему бы и нет?

Любая жизнь заслуживает того, чтобы о ней написали книгу. В том числе ваша. Даже если вы считаете себя совершенно обычным человеком. Даже если вам кажется, что в вашей жизни не было ничего особенного. Даже если вы никогда не переезжали в другой город, не спасали людей и не начинали всё с нуля.

Ваш опыт сделал вас вами. А он неповторим. Другого человека с точно такой же жизнью, такими же мыслями, решениями, страхами, ошибками и маленькими победами не существует.

Без преувеличения — я действительно так считаю.

Поэтому пишите. Необязательно сразу книгу. Начните с одной страницы. С одного воспоминания. С истории, которую вы почему-то рассказываете чаще остальных. А потом посмотрите, что появится следом.

И когда вы напишете свою книгу, расскажите мне. Я буду рада её прочитать.

Вступление

Глава первая. Настенные часы

Глава вторая. Со стороны

Глава третья. Мне тебя жалко

Глава четвёртая. Хороших быют меньше

Глава пятая. Меня заметили

Глава шестая. Она повзрослела раньше

Глава седьмая. Артефакты

Глава восьмая. Мне можно верить

Глава девятая. Дожить до восемнадцати

От автора. Пожалуйста, не молчите

Глава десятая. На птичьих правах

Глава одиннадцатая. Я думала, что могу помочь

Глава двенадцатая. Вытащить их оттуда

Глава тринадцатая. Нажми на сундук

Глава четырнадцатая. Если не бьёт

Глава пятнадцатая. Что с ней будет?

Глава шестнадцатая. Отдельно

Глава семнадцатая. Станный взгляд

Вместо послесловия

Благодарность

Вступление

Вы никогда до конца не поймёте, насколько сложную жизнь прожили. Не поймёте, пока однажды не решите рассказать о ней другому человеку. Сначала он будет просто слушать. Возможно, кивать. Иногда задавать вопросы. Но постепенно выражение его лица изменится. В глазах появятся страх, жалость и боль. И этот взгляд вызовет у вас только недоумение. Неужели у вас всё было по-другому?

Неужели вы не лежали на полу, закрывая голову руками? Неужели не учились определять настроение отца по тому, как он открывает входную дверь? Неужели ваша мать подходила и останавливала его? Неужели вы никогда не думали, что было бы хорошо умереть — не потому, что действительно хотели исчезнуть, а потому, что тогда родители наконец заметили бы вас? Начали бы искать.

Плакать. Скучать. Поняли бы, что вы всё-таки были им нужны. Насколько нормальна такая мысль для ребёнка? Многие думали об этом в детстве?

Я долго была уверена, что да. Мне казалось, что все дети иногда боятся возвращаться домой. Что каждый ребёнок рано или поздно понимает: рассчитывать можно только на себя. Я не считала свою жизнь особенно тяжёлой. Мне было одиноко, страшно и непонятно. Но я не знала, что бывает иначе. Ребёнку не с чем сравнивать свою семью. Он не зна-

ет, где заканчивается воспитание и начинается жестокость. Не знает, что любовь не должна причинять боль. Не знает, что молчание одного взрослого иногда ранит не меньше, чем удары другого.

Он просто живёт в мире, который ему достался. Привыкает к его правилам. Учится выживать. А потом взрослеет и рассказывает кому-нибудь одну из своих обычных детских историй. И впервые видит в глазах собеседника ужас.

Начнём сначала.

Глава первая. Настенные часы

Мне было пять лет, когда я впервые подумала, что в моей семье что-то не так.

Хотя тогда я ещё сомневалась. Возможно, всех детей били за то, что они не могли выучить эти дурацкие настенные часы. Они висели на стене и смотрели на меня белым круглым лицом. Чёрные цифры по кругу.

Две стрелки, которые показывали что-то, понятное всем, кроме меня. Большая стрелка. Маленькая стрелка. Половина шестого. Без четверти восемь. Я смотрела на циферблат так долго, что цифры начинали расплываться. Мне объясняли снова. Потом ещё раз.

А я всё равно путалась. Почему маленькая стрелка показывает часы? Почему большая — минуты? Почему нельзя просто сказать цифрами? Я старалась запомнить. Правда старалась.

Но взрослые почему-то часто думают, что ребёнок ошибается назло.

— Сколько времени? — спрашивал папа.

Я поднимала глаза на часы. В комнате сразу становилось тихо. Мне казалось, что от моего ответа зависит что-то гораздо более важное, чем время. Нужно было ответить быстро. Если слишком долго молчать, он разозлится. Если сказать наугад, можно ошибиться. Если попросить объяснить

ещё раз, он решит, что я издеваюсь.

Стрелки продолжали двигаться.

Тик.

Тик.

Тик.

С каждой секундой воздух в комнате становился тяжелее.

Я называла время. Неправильно. Сначала менялся его голос. Он становился громче и резче. Потом менялось лицо. Именно лицо предупреждало меня о том, что сейчас произойдёт.

Детям не нужны сложные слова, чтобы узнать опасность. Они замечают другое. Как взрослый ставит чашку на стол. Как резко поворачивает голову. Как сжимает губы. Как произносит твоё имя. Я ещё не знала слов «агрессия» и «насилие». Но уже знала, что означает выражение лица моего отца.

Ты заранее понимаешь, что сейчас тебя начнут бить. И всё равно никуда не бежишь.

Куда?

Ты не можешь закричать. Не можешь позвать на помощь. Не можешь объяснить, что старалась. Ты просто стоишь и ждёшь первого удара. Ремнём. Или руками.

Удара ещё нет, но тело уже знает, что он будет. Всё внутри сжимается. Живот скручивает. К горлу подступает тошнота. В груди становится тесно, будто для воздуха осталось слишком мало места.

Время между первым изменением его лица и первым уда-

ром тянулось дольше самого наказания. Я смотрела на взрослого человека и ждала, когда он решит, что уже достаточно разозлился.

До первого удара я стояла молча. Будто если не двигаться, всё ещё могло не произойти. Хотя я знала, что произойдёт.

Что я сделала? Почему неправильный ответ стоил такой боли? Почему взрослому мужчине можно бить маленького ребёнка? Почему никто его не останавливает?

Мама была рядом.

Иногда она стояла в дверях. Иногда оставалась в другой комнате. Я не всегда видела её, но знала, что она всё слышит. Его голос. Удары. Мой плач.

И молчит.

Я ждала, что она подойдёт. В детстве надежда живёт дольше, чем должна.

Даже если мама не помогла в прошлый раз, ты всё равно веришь, что сейчас она наконец скажет:

— Хватит.

Что в этот раз она выберет тебя. Встанет между тобой и человеком, который тебя бьёт. Закроет собой. Возьмёт на руки. Скажет, что ты не виновата. Но мама не подходила. Наверное, именно тогда я впервые поняла, что молчание тоже может причинять боль.

Отец бил. Мать молчала. Младший брат смотрел. Я не знаю, что он чувствовал. Возможно, тоже боялся. Возможно, не понимал, что происходит. Он был ребёнком, как и я.

Но он видел, как устроен наш дом. Дети быстро изучают семейные правила. Особенно когда от этих правил зависит их безопасность.

А потом всё заканчивалось. Так же неожиданно, как начиналось. Отец уходил. Мама возвращалась к домашним делам. Брат снова начинал играть. Квартира наполнялась обычными звуками. Работал телевизор. На кухне текла вода. Звенела посуда.

На стене продолжали идти часы.

Тик.

Тик.

Тик.

Мир двигался дальше, будто ничего не произошло.

А я сидела одна на полу в своей комнате. Пыталась не плакать слишком громко. Мне было больно. Страшно. И я совершенно не знала, что теперь делать.

К кому подойти? Кого позвать? Кому рассказать?

Люди, к которым ребёнок должен идти за помощью, уже находились в этой квартире. Один из них меня бил. Другая всё слышала и не приходила.

Поэтому я просто сидела на полу. Плакала тихо. И ждала, пока смогу снова выйти из комнаты так, будто ничего не случилось.

Внутри оставались страх, боль и ярость. Иногда хотелось ломать вещи. Кричать. Ударить в ответ. Но постепенно всё это превращалось в другую мысль: со мной что-то не так.

Не с человеком, который бил ребёнка. Не с женщиной, которая молча это слушала. Не с семьёй, которая через несколько минут возвращалась к обычной жизни.

Со мной.

Иначе почему это происходило именно со мной?

Сейчас мне намного больше лет. Я давно умею определять время. Мне больше не нужно разглядывать стрелки и угадывать, чего от меня хотят.

Но я до сих пор не люблю настенные часы. Особенно большие и круглые. Особенно те, чей механизм слышен в тишине.

Иногда мне кажется, что я ненавижу не сами часы. Я ненавижу ожидание между вопросом и ударом. Ту секунду, когда ещё ничего не произошло, но тело уже знает, что сейчас будет больно.

Сколько времени требуется ребёнку, чтобы решить, что родители его не любят?

Год?

Два?

Три?

И сколько лет ему понадобится потом, чтобы перестать искать эту любовь во всех встречаемых людях?

Глава вторая. Со стороны

Со стороны у нас была обычная семья. Мама работала по восемь часов. Папа ездил на вахты. Дома было чисто, на кухне стояла приготовленная еда, мы с братом ходили в школу в постиранной одежде. Никто не голодал. Никто не просил милостыню. Родители не валялись пьяными под забором.

У нас были мебель, телевизор, посуда и семейные фотографии, на которых мы стояли рядом и смотрели в камеру. Что ещё нужно, чтобы семья считалась нормальной? Мама знала, что приготовить на ужин, когда поменять постельное бельё и сколько денег осталось до зарплаты. Она держала дом. Папа работал.

Приносил деньги. Иногда что-то покупал. Значит, он был хорошим отцом. По крайней мере, именно так было принято считать. Когда папа уезжал на вахту, дома становилось легче.

Я могла дышать. Не сразу. Первые дни тело всё ещё ждало его возвращения. Я прислушивалась к шагам на лестнице, к звуку открывающейся двери, к мужским голосам во дворе. Потом постепенно отпускало. Можно было свободнее ходить по квартире.

Можно было ошибиться и не ждать наказания. Можно было не следить каждую секунду за выражением чужого лица. В его отсутствие квартира становилась просто квартирой. Но я всегда знала, что это временно. Где-то в календаре суще-

ствовал день, когда он вернётся. И чем ближе становилась эта дата, тем тяжелее делался воздух.

Мама начинала готовить. Наводила порядок. Говорила, что папа скоро приедет, так, будто сообщала хорошую новость. Я не понимала, почему должна радоваться. Но радость тоже входила в обязанности ребёнка.

Нужно было встречать. Обнимать. Отвечать на вопросы. Показывать, что скучала. Дети быстро учатся изображать чувства, которых от них ждут.

Особенно если настоящее чувство может разозлить взрослого. Перед окружающими мы улыбались. На праздниках сидели за одним столом. На фотографиях папа мог положить руку мне на плечо. Мама смотрела в камеру. Брат стоял рядом. Обычная семья. Никто не видел, как напрягалось моё тело от прикосновения отца.

Никто не спрашивал, почему я пытаюсь угадать его настроение раньше, чем он успевает что-нибудь сказать. Никто не замечал, что рядом с собственными родителями я не умею расслабляться. А если и замечал, то находил простое объяснение. Характер такой. Слишком чувствительная.

Слишком самостоятельная. Ответственная не по годам. Взрослым нравятся самостоятельные дети. Им не нужно много раз напоминать. Они сами делают уроки.

Сами следят за своими вещами. Сами справляются с проблемами. Не просят лишнего. Не мешают. Никто не спрашивает, почему ребёнку так важно справляться самому.

Почему плохая оценка пугает его так, словно от неё зависит жизнь. Почему он не просит помощи. Почему старается заранее понять, чего от него хотят. Со стороны это называлось самостоятельностью. Внутри было одиночество.

Я рано поняла, что помощь может не прийти. Можно плакать в своей комнате, а за стеной будут смотреть телевизор. Можно бояться, а взрослые решат, что ты преувеличиваешь. Можно ждать, что кто-нибудь заметит. И никто не заметит.

Не помню точного дня, когда внутри появилась мысль: отсюда нужно бежать. Наверное, одного дня и не было. Она складывалась постепенно. Из папиного голоса.

Из маминых шагов мимо моей комнаты. Из настенных часов. Из взгляда брата. Из ощущения, что в этом доме у каждого есть своё место, кроме меня. Я была ребёнком и не могла уйти прямо сейчас.

У меня не было денег. Не было другого дома. Не было взрослого, которому можно было позвонить и сказать:

— Забери меня.

Поэтому побег стал не действием. Он стал планом. Сначала бесформенным. Я просто знала, что не останусь здесь навсегда. Когда-нибудь вырасту.

Когда-нибудь смогу сама решать, где мне жить. Когда-нибудь дверь закроется за мной с другой стороны, и никто не заставит меня вернуться. Эта мысль спасала. Я представляла взрослую жизнь, хотя почти ничего о ней не знала. Большой город.

Своя комната. Работа. Деньги. Дом, в котором можно спокойно спать. Люди, которые не кричат.

Мне казалось, что за границами нашего города начинается другой мир. Там люди добрее. Там никто не знает мою семью. Там можно стать другим человеком. Нужно было только выбраться.

Но для этого требовалось стать сильной. Я не знала, что означает быть сильной, поэтому решила, что сильные люди всё умеют сами. Они не зависят от других. Не жалуются. Много работают.

Хорошо учатся. Всегда знают, что делать. Я начала строить из себя такого человека. Учёба была понятной. В ней существовали правила.

Если прочитать параграф, можно ответить на вопрос. Если правильно решить задачу, получится правильный ответ. Если выучить стихотворение, тебе поставят оценку. В школе ошибка иногда означала всего лишь исправление в тетради. Дома ошибка могла означать боль.

Поэтому я училась. Не всегда потому, что любила знания. Иногда потому, что оценки были единственным, что принадлежало только мне. Я сама их получала. Каждая пятёрка становилась маленьким шагом к двери.

Каждое выученное правило — возможностью однажды уехать. Каждое «молодец» доказывало, что во мне есть хоть что-то правильное. Когда меня хвалили, я на короткое время чувствовала, что существую. Что меня можно заметить

не только тогда, когда я сделала что-то не так.

Но похвала быстро заканчивалась. Хорошая оценка становилась нормой. Если я приносила пятёрку, никто особенно не удивлялся. Если оценка была ниже, это замечали сразу. И я старалась сильнее.

Мне казалось: если стать идеальной, меня наконец полюбят. Если хорошо учиться, помогать, не создавать лишних проблем и делать всё правильно, родители однажды увидят, какая я хорошая. Этого не происходило. Но постепенно появилась другая мысль:

если идеальность не поможет заслужить любовь, возможно, она поможет заслужить свободу. Я должна была сделать всё, чтобы себя спасти. Тогда я не понимала, насколько страшно звучит эта мысль, когда речь идёт о ребёнке. У меня не было времени думать о справедливости. Нужно было вырасти.

Не сломаться. Дожить до дня, когда я смогу уйти. Я стала жить будущим. Настоящее нужно было просто переждать. Когда дома становилось плохо, я говорила себе, что однажды всё закончится.

Когда отец кричал, я думала о городе, в котором буду жить. Когда мне говорили, что у меня ничего не получится, внутри появлялся упрямый голос:

получится. Я смогу. Вы ещё увидите. Этот голос не всегда был громким, но он не исчезал. Наверное, это была единственная часть меня, которую им так и не удалось сломать.

Иногда мне казалось, что внутри горит маленький огонь. Я могла плакать. Могла ненавидеть себя. Могла верить взрослым, которые говорили, что я ничего не стою. Но где-то глубже оставалась уверенность:

дайте мне время — и я смогу всё. Я научусь. Заработаю. Уеду. Построю другую жизнь.

Тогда я ещё не знала, что человек забирает себя с собой. Что можно уехать из дома, но продолжать жить по его правилам. Можно оказаться в большом городе и всё равно бояться чужого недовольства. Можно уйти от отца и снова выбирать людей, рядом с которыми приходится заслуживать любовь. Можно закрыть старую дверь, но ещё много лет слышать за спиной тиканье настенных часов.

Я этого не знала. Мне казалось, что достаточно уехать. И, возможно, именно эта наивная вера помогла мне дожить до дня, когда побег стал возможен. В детстве человеку иногда нужна не правда. Ему нужна надежда.

Моя надежда звучала просто: это не навсегда. Я повторяла её, когда отец возвращался с вахты. Когда мать молчала. Когда в доме снова становилось тесно от чужой злости.

Это не навсегда. Когда-нибудь я уйду. Чем старше я становилась, тем меньше это напоминало мечту. Я начала считать годы. Сколько осталось до совершеннолетия.

Когда можно будет работать. Сколько стоит билет. Что нужно взять с собой. Я не прятала чемодан под кроватью и не составляла настоящий список. Со стороны продолжала жить

как обычный ребёнок.

Ходила в школу. Делала уроки. Убирала дома. Разговаривала с одноклассниками. Иногда смеялась.

Но внутри меня всё уже двигалось к выходу. Мне нужно было стать умнее. Самостоятельнее. Независимее. Нельзя было надеяться, что родители однажды изменятся и дадут мне любовь, которой я так долго добивалась.

Хотя какая-то часть меня всё равно ждала. Дети редко перестают любить родителей. Чаще они перестают любить себя. Мне всё ещё казалось, что дело во мне. Что я недостаточно хорошая.

Недостаточно спокойная. Недостаточно благодарная. Но одновременно я понимала другое:

если останусь, однажды от меня ничего не останется. Нужно было спасти хотя бы то небольшое, что ещё сохранилось. Тот упрямый голос. Тот маленький огонь. Ту девочку, которая лежала на полу и продолжала перебирать ногами, хотя бежать было некуда.

Когда-нибудь ей будет куда бежать. Нужно было только сделать всё, чтобы она дожила до этого дня. Со стороны у нас была обычная семья. А внутри этой обычной семьи ребёнок готовился к побегу.

Глава третья. Мне тебя жалко

Что происходит, когда ребёнок становится старше? Кроме того, что он вырастает из одежды и начинает лучше понимать слова взрослых. У него появляются привычки, которых он сам не замечает. Например, опускать голову каждый раз, когда кто-то рядом резко поднимает руку. Даже если человек просто поправляет волосы.

Даже если замахиваются не на тебя. Тело пугается раньше, чем ты успеваешь понять, что опасности нет. Ты пригибаешься. Закрываешься плечом. Потом выпрямляешься и делаешь вид, что ничего не произошло.

Я думала, что школа будет другим местом. Не домом. Там были длинные коридоры, звонки, тетради, доска и взрослые, которых называли учителями. Они должны были знать, как правильно. Замечать детей.

Помогать им. Защищать. По крайней мере, так говорили. Но школа оказалась ещё одним местом, где нужно было следить за настроением взрослых. Только дома был отец.

А в школе — учителя. Злые дети были понятнее. Ребёнок мог толкнуть, обозвать или рассмеяться. Он хотя бы не объяснял, что делает это ради твоего будущего. Учителя объясняли. Они кричали, потому что хотели нас чему-то научить.

Унижали перед классом, потому что мы должны были стать лучше. Делили детей на любимых и остальных, но на-

зывали это индивидуальным подходом. Взрослому вообще многое разрешается, если он говорит, что делает это ради ребёнка. Иногда наш класс куда-нибудь ездил. В кинотеатр в другой город, потому что в нашем кинотеатра не было.

На экскурсию. На какое-нибудь мероприятие, о котором потом ещё несколько дней все говорили. Дети приносили деньги. Учительница составляла списки. Родители что-то обсуждали. В классе начиналось возбуждение. Все решали, с кем будут сидеть в автобусе.

Кто займёт место у окна. Что взять с собой. Я ни с кем не спорила. Я знала, что не поеду. Папа не любил такие вещи.

Я не понимала почему. Возможно, считал поездки пустой тратой денег. Возможно, просто не видел в них смысла. Я не сдавала деньги. Не записывалась.

Не ходила на мероприятия. Сначала мне хотелось. Хотелось ехать со всеми в автобусе, смотреть в окно, смеяться и есть взятую из дома еду. Хотелось потом обсуждать фильм или экскурсию и понимать, о чём говорят остальные.

Но когда тебе несколько раз говорят «нет», ты учишься не просить. Потом учишься делать вид, что тебе неинтересно.

— Я всё равно не хотела.

— Там, наверное, будет скучно.

— Я лучше останусь дома.

Так проще. Если убедить всех, что тебе ничего не нужно, никто не заметит, что тебе этого не дали. После поездок дети возвращались шумными. Перебивали друг друга. Показыва-

ли фотографии.

Вспоминали смешные моменты, понятные только тем, кто был там вместе с ними. Я слушала. Иногда улыбалась. Иногда делала вид, что занята. Через несколько дней разговоры заканчивались, и всё снова становилось нормально.

До следующей поездки. Однажды учительница посмотрела на меня и сказала:

— Мне тебя так жалко.

Не помню, были ли рядом другие дети. Помню только её лицо. Наверное, она ожидала, что я почувствую тепло. Взрослый человек заметил меня. Посочувствовал.

Но я почувствовала отвращение. Будто меня испачкали. Она не знала меня. Не знала, почему я не езжу. Не знала, чего я хочу.

Не знала, что происходит у нас дома. Зачем она меня жалела? Я хорошо училась. Справлялась сама. Не просила помощи.

Папа работал. Мама работала. Они старались. Именно так я тогда думала. Мне хотелось защитить их даже перед человеком, которому я ничего не рассказывала.

Не надо меня жалеть. Папа старается. Мама тоже. У нас всё нормально. Я просто не езжу на экскурсии.

Разве этого достаточно, чтобы посмотреть на меня как на несчастную? Особенно не хотелось жалости от неё. Она не была доброй. Добрый человек сначала спрашивает. Пытается понять.

Узнаёт, нужна ли помощь. Она не спрашивала. Она просто решила, кем я являюсь. У неё все дети были поделены на группы. Были любимчики.

Они ходили к ней на дополнительные занятия. Их родители платили деньги. С ними она разговаривала другим голосом. Чаще улыбалась. Терпеливее объясняла. Прощала ошибки.

Видела способности. Наверное, способности лучше заметны, когда за них платят. Были остальные. Слишком шумные. Слишком ленивые.

Слишком трудные. И были такие, как я. Те, кого ей жалко. Можно было знать ответы. Учиться лучше многих.

Стараться сильнее. Но ты всё равно оставалась не хорошей ученицей, а девочкой, которую не взяли на экскурсию. Жалость перечёркивала всё. Делала меня меньше. Слабее.

Будто я стояла перед ней не со своими знаниями и оценками, а с протянутой рукой. Мне ничего от неё не было нужно. Ни денег. Ни дополнительных занятий. Ни этого взгляда.

Я хотела, чтобы меня оценивали за то, что я делала. Если хорошо ответила — поставьте хорошую оценку. Если ошиблась — исправьте. Если я знаю больше любимчика, не делайте вид, что этого не заметили. Я думала, что учёба — честная система.

Выучил — знаешь. Знаешь — получаешь хорошую оценку. Оказалось, между знаниями и оценкой всегда стоит взрослый человек. А у него есть настроение. Любимчики.

Неприязнь. Деньги за дополнительные занятия. И своё представление о том, кем ты являешься. В школе я поняла: быть хорошей недостаточно. Можно правильно отвечать.

Выполнять задания. Не мешать. Не доставлять проблем. Но взрослый всё равно найдёт для тебя место. И не обязательно то, которое ты заслужила.

Мне досталось место девочки, которую жалко. Я ненавидела это место. Жалость не была похожа на заботу. Забота спрашивает:

— Тебе помочь?

Жалость говорит:

— Я уже всё о тебе поняла.

Забота оставляет человеку достоинство. Жалость смотрит сверху вниз. Возможно, учительница действительно считала себя хорошим человеком. Она увидела ребёнка, который никуда не ездит, и ей стало грустно. Но мне от этого не стало легче.

Она не спросила, хочу ли я поехать. Не попыталась помочь. Не поговорила с моими родителями. Она просто сообщила, что моя жизнь вызывает у неё жалость. А потом продолжила делить детей на тех, чьи родители платили ей деньги, и всех остальных.

Тогда я не могла объяснить, почему её слова так меня разозлили. Сейчас могу. Дома я постоянно чувствовала себя слабой. Не могла остановить отца. Не могла заставить мать вмешаться.

Но в школе у меня были знания. Ответы. Оценки. Это была территория, на которой я могла чего-то добиться сама. Учительница не увидела ученицу, которая хорошо учится.

Она увидела несчастного ребёнка. Не увидела моих усилий. Увидела отсутствие денег на поездку. Не увидела меня. Увидела повод пожалеть.

Наверное, поэтому я так долго не рассказывала взрослым о том, что происходило дома. Я не хотела, чтобы они смотрели на меня так же. Не хотела превращаться в бедную девочку. Не хотела, чтобы мою жизнь обсуждали учителя, соседи или чужие родители. Я уже знала: взрослый не обязательно поможет.

Иногда он просто даст тебе новое имя. Ленивая. Трудная. Неблагополучная. Несчастливая.

Та, которую жалко. Дома нужно было выживать. В школе — доказывать, что ты не хуже остальных. Ни там, ни там нельзя было расслабиться. Я всё сильнее понимала, что помощи ждать неоткуда.

Не от родителей. Не от учителей. Не от взрослых, которые говорили, что знают, как правильно. Оставалось делать то, что я умела. Хорошо учиться.

Не зависеть от других. Вырасти. Уехать. Не давать никому повода смотреть на меня сверху вниз. Тогда я ещё не знала, сколько людей в моей жизни будут путать жалость с любовью, контроль — с заботой, а унижение — с желанием помочь.

Я знала только одно. Когда учительница сказала:

— Мне тебя так жалко, —

мне захотелось отвернуться. Не надо меня жалеть. Лучше

бы вы меня увидели.

Глава четвёртая.

Хороших бьют меньше

Я всегда хотела быть хорошей. Не просто послушной. Не просто удобной. Нужной. Особенно когда появлялась возможность показать взрослым, что я молодец.

Мне было важно, чтобы они заметили: я умею, стараюсь, от меня есть польза. Тогда я ещё не понимала, зачем мне это нужно. Ребёнок редко думает:

если взрослые сочтут меня хорошей, они будут относиться ко мне лучше. Он просто чувствует. Хорошим детям улыбаются. Хороших хвалят. Хорошими гордятся.

А ещё хороших как минимум меньше бьют. Когда мне было около девяти лет, умер дедушка. Саму его смерть я помню плохо. В памяти осталось то, что происходило вокруг. Взрослые куда-то спешили.

Разговаривали тише обычного. Кому-то звонили, что-то готовили, решали вопросы, смысла которых я не понимала. Нас с младшим братом отвезли к маминой родственнице. Я почти не знала эту женщину. Возможно, видела её раньше несколько раз, но для меня она была чужой. Чужой дом.

Чужие взрослые. Незнакомые правила. Наверное, другой ребёнок в такой ситуации сел бы тихо и ждал, когда за ним приедут. Но я увидела возможность. Эти люди ещё ничего

обо мне не знали.

Не знали, что я могу ошибаться. Не знали, за что на меня кричат дома. Перед ними можно было начать сначала. Сразу показать, что я хорошая. Кажется, почти с порога я заявила:
— Я умею рисовать.

Никто меня не спрашивал. Разговор вообще был не об этом. Но мне нужно было как можно быстрее предъявить доказательство собственной ценности. Я взяла бумагу и начала рисовать. Не помню, что именно.

Возможно, дом. Цветы. Какой-нибудь пейзаж. В девять лет мне казалось, что я рисую хорошо. Я старалась.

Выводила линии. Подбирала цвета. Поглядывала на взрослых, ожидая реакции. Мне хотелось, чтобы они удивились. Сказали:

— Как красиво.

— Какая талантливая девочка.

— Какая молодец.

Мне было недостаточно просто находиться в их доме. Нужно было доказать, что меня не зря туда привезли. Даже если всего на несколько часов. Даже если от меня ждали только одного — спокойно посидеть и не мешать. Мне было мало не мешать.

Нужно было стать интересной. Полезной. Особенной. Я закончила рисунок и показала его взрослым. Кажется, они меня похвалили.

Наверное, сказали что-то хорошее. Но их слов я не запом-

нила. Зато запомнила, что потом узнала об их сыне. Он был примерно на шесть лет старше меня и учился в художественной школе. Значит, умел рисовать по-настоящему.

Лучше меня. Конечно, лучше. Он был старше. Его учили. Он занимался этим не первый год.

Но я расстроилась. Не потому, что злилась на него. Я его почти не знала. Просто моё доказательство перестало работать. Я пришла в чужой дом и сразу сообщила, что умею рисовать.

А оказалось, что здесь уже есть человек, который рисует гораздо лучше. Я больше не могла удивить. Не могла стать самой талантливой девочкой в комнате. Возможно, взрослые вообще нас не сравнивали. Скорее всего, им даже не пришло в голову, что для меня это соревнование.

Они не знали, что я боролась не за лучший рисунок. За внимание. За одобрение. За возможность услышать, что во мне есть что-то хорошее. Со стороны ребёнок просто рисует картинку.

Помогает накрыть на стол. Моет посуду без просьбы. Следит за младшим братом. Не капризничает в чужом доме. Какой воспитанный ребёнок.

Какая самостоятельная девочка. Никто не спрашивает, почему ей так важно быть удобной. Почему она боится просто сидеть без дела. Почему чужое одобрение значит для неё больше, чем удовольствие от самого рисунка. Почему после простой фразы о мальчике из художественной школы ей хо-

чется спрятать свою работу.

Я не умела просто быть. Одного моего существования казалось недостаточно. Если я пришла в чужой дом, нужно было немедленно доказать, что меня не зря впустили. Если взрослому требовалась помощь, я должна была предложить её раньше, чем меня попросят. Если кто-то устал, я могла убрать, приготовить, принести, подать.

Сделать всё. Для всех. Так я становилась нужной. А нужных не бросают. По крайней мере, я так думала.

Мне казалось, что любовь устроена как обмен. Я буду хорошей — и меня будут любить. Я помогу — и меня не прогонят. Я соглашусь — и на меня не разозлятся. Сделаю больше, чем должна, — и, возможно, кто-то решит, что я заслуживаю остаться рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.